
Дарья Берд
Накладная на спасение мира. 2 книга

Дарья Берд

Накладная на спасение мира. 2 книга

https://litres.ru/74705158
SelfPub; 2026

Аннотация

Три месяца назад Вера спасла мир. Теперь он снова ломается — и на этот раз по частям.

Дороги начинают исчезать. Целые тракты стираются с карт, караваны пропадают, королевство на грани коллапса. Никто не понимает, в чём дело. Кроме Веры — бывшего логиста из Москвы, которая смотрит на магию глазами системного аналитика.

Это не хаос. Это сломанная система. Очень старая, очень сложная — и кто-то пытался её починить, не понимая, как она работает.

Вера и её команда — эльф Фелиндор, воин Гарт, маг Асвейг и дух-огонёк Пискля — отправляются в расследование. Они находят древние артефакты, встречают орден Серых Странников, останавливают одержимого жреца и закрывают портал в Пустоту. Но осколок враждебной сущности вселяется в Писклю.

Теперь узлов — десятки. Мосты в Пустоту открываются по всему миру. И снова нужен логист.

Для тех, кто знает: мир спасают не мечи, а блокноты.

Содержание

Глава 1. Дорога к соседям 6
Глава 2. Инвентаризация дорог 21
Глава 3. След в пустоши 38
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Накладная на спасение мира. 2 книга

Глава 1. Дорога к соседям

Провинция Альтен началась с запаха.

Вера почуяла его за добрых полчаса до того, как увидела первую деревню — кислый, тяжёлый дух прокисшего молока, разлитый по всей долине так плотно, что хотелось дышать через рукав. Гарт, ехавший впереди, даже не поморщился: он за свою наёмничью жизнь нюхал вещи похуже скисшего молока. А вот Пискля, устроившийся на луке Вериного седла, страдал громко и артистично.

— Я умираю, — объявил он, прижав лапки к мордочке. — Мой человек, я чувствительное существо. У меня тонкая душевная организация и ещё более тонкий нос. Это пытка. Это негуманно. Везите меня обратно.

— Ты вчера сожрал полголовки сыра, который пах точно так же, — заметила Вера, не поворачивая головы. — И называл его «амброзией».

— То был благородный сыр, — оскорбился Пискля. — А это — осквернение. Разница огромная.

— Разница в том, что один ты собирался есть, а другой нет.

Пискля задумался, не нашёл чем возразить и обиженно потух.

Вера достала блокнот — тот самый, с загнутыми углами,

переживший уже один конец света. Открыла на чистой странице и записала сверху, аккуратным логистическим почерком: «Провинция Альтен. Жалоба: порча продукции. Предварительно — четвёртый насос Торвальдиса». Потом, подумав, добавила ниже: «Запах — показатель. Чем ближе к источнику, тем сильнее. Использовать как навигацию».

Это был её способ не сходить с ума. Любой хаос, если его разложить по пунктам, переставал быть хаосом и становился задачей. А задачу можно решить. Задача не кусается, не требует веры в судьбу и не падает в обморок от пафоса. Задача просто ждёт, пока её закроют.

— Фелиндор, — позвала она. — Ты обещал объяснить мне про насос ещё в дороге. Дорога почти кончилась. Объясняй.

Архимаг ехал позади всех на флегматичном муле, которого выбрал сам — по его словам, «за философский склад характера». Сейчас Фелиндор пытался одновременно удержать поводья, развёрнутый свиток и крупное красное яблоко, и выходило у него в лучшем случае два из трёх. Яблоко он уже один раз ронял.

— Насос, — начал он торжественно, — это, разумеется, упрощение. Грубое, вульгарное упрощение, недостойное истинного понимания сложнейшей магической структуры, которую Торвальдис, при всей его моральной испорченности, возвёл с гениальностью, достойной...

— Фелиндор.

— Да?

— Короче.

Архимаг вздохнул с видом человека, которого вечно просят испортить шедевр.

— Представьте себе, госпожа Соколова, что мир полон... жизненной силы. Маны. Она растворена повсюду — в земле, в воде, в молоке коровы и в тесте для пирожков. — При слове «пирожки» Пискля дёрнул ушами. — Насос Торвальдиса выкачивает эту силу из округи и переправляет её в одно место. Туда, где нужна власть.

— То есть он ворует энергию у района и свозит её в центр, — перевела Вера. — Как если бы один склад тянул товар со всех соседних, а соседние стояли пустыми.

— Я бы не выразился так... приземлённо, — страдальчески сказал Фелиндор. — Но по сути — да.

— И пока он качает, в районе всё портится. Молоко киснет, урожай гибнет, люди болеют.

— Магия ухода за живым перестаёт работать, — кивнул архимаг. — Там, где её высосали, остаётся... дыра. Пустота, в которой всё увядает быстрее положенного.

Вера записала: «Насос = откачка маны в центр. Симптом — ускоренное гниение всего живого. Чинится закрытием насоса (как?)».

Последнее слово она подчеркнула дважды.

— И как мы его закроем? — спросила она. — В прошлый раз ты обещал объяснить и это. Пока я слышу только про то,

что насос плохой. Это я уже по запаху поняла.

Фелиндор открыл рот, закрыл, посмотрел на свиток, перевернул его — оказалось, вверх ногами, — перевернул обратно и наконец признался:

— Этого я... пока не знаю. Первый насос мы закрыли, потому что добрались до его сердца — управляющего кристалла — и Асвейг разбила его мечом. Но Торвальдис был не дурак. После первого он наверняка изменил конструкцию. Сердце теперь спрятано. Или защищено. Или...

— Или его вообще нет, и там что-то новое, — закончила Вера. — Понятно. То есть план у нас такой: приехать, посмотреть, импровизировать.

— Я предпочитаю термин «адаптивная стратегия», — сказал Фелиндор.

— Гарт, — позвала Вера. — Слышал? Адаптивная стратегия.

— Угу, — отозвался Гарт с головы колонны, не оборачиваясь. — Значит, плана нет.

— Значит, плана нет, — подтвердила Вера.

— Как всегда, — сказал Гарт. И это было самое длинное, что он произнёс за последние три часа.

***

Первая деревня называлась Нижний Выдел. Вера узнала это из покосившейся таблички у околицы — буквы были вырезаны давно и кем-то старательным, но доски успели посереть и растрескаться. От названия веяло той же бюрократи-

ей, что и от всего в этом мире: где-то когда-то кто-то делил землю на выделы, нумеровал их, вносил в реестр. Веру это странным образом успокаивало. Мир, в котором есть реестры, не может быть окончательно безнадёжным.

Хотя Нижний Выдел старался доказать обратное.

Деревня умирала. Это было видно сразу — не по драматичным руинам, а по мелочам, которые Верин глаз цеплял один за другим, как строчки в плохой накладной. Огороды с пожухлой, слишком рано пожелтевшей ботвой. Яблоня у крайнего двора — в разгар лета, а листья бурые, свёрнутые. Колодец с воротом, обвязанным тряпицей — знак, что воду оттуда не берут. Куры, которые не разбегались из-под копыт, а сидели нахохлившись, будто им было всё равно.

И тишина. Не мирная деревенская тишина, а та, которая бывает, когда люди разучились разговаривать громко.

— Весело тут, — пробормотал Пискля, впервые за дорогу притихнув по-настоящему. — Мой человек, мне это не нравится.

— Мне тоже, — сказала Вера. — Но нам не нравиться сюда и приехали.

Их заметили. Из-за плетней, из тёмных дверных проёмов на отряд смотрели — настороженно, без надежды. Вера узнавала этот взгляд. Так смотрят на очередную комиссию, которая приедет, покивает, составит бумагу и уедет, а всё останется как было. Она видела такие взгляды в жизни до переноса — на складах, которые вот-вот закроют, в офисах, где

не платили третий месяц.

Навстречу, тяжело опираясь на палку, вышел старик. Сгорбленный, но с прямым, недобрым взглядом из-под седых бровей. Староста — это читалось по тому, как он встал: один против пятерых чужаков, загораживая собой деревню.

— Если вы от маркиза за недоимкой, — сказал он хрипло, — то взять с нас нечего. Молоко не сбивается в масло. Зерно гниёт на корню. Дети кашляют. Передайте маркизу: Нижний Выдел больше ничего не должен. Нижний Выдел сам себе уже ничего не должен.

— Мы не от маркиза, — сказала Вера.

Она спешилась — не торопясь, спокойно, чтобы старик видел: угрозы нет. Достала из сумки сложенный лист с большой красной печатью и протянула ему. Старик не взял — только скосил на бумагу подозрительный глаз.

— Я не от маркиза, — повторила Вера. — Я от короны. Призванный Герой королевства Таланд. Приехала разобраться, почему у вас всё гниёт, и это прекратить.

Старик долго молчал. Потом издал короткий горький звук, который, наверное, когда-то был смехом.

— Герой, — сказал он. — К нам приезжал один Герой. Лет тридцать назад. Красивый был, на белом коне, с мечом. Поклялся защитить деревню от бед. — Он кивнул на мёртвую яблоню. — Вот всё, что осталось от его клятвы.

— Я не клянусь, — сказала Вера. — Я составляю акты. Это надёжнее.

Что-то в её тоне — не пафос, не обещание, а сухая деловитость — заставило старика впервые посмотреть на неё по-настоящему. Как на человека, а не на очередную комиссию.

— Акты, — повторил он медленно.

— Акты, — подтвердила Вера. — Для начала мне нужно понять масштаб. Я задам вам вопросы, вы ответите, я запишу. Это займёт час. После этого я буду знать про вашу беду больше, чем вы сами. А когда знаешь, где дыра, её можно заткнуть. Как вас зовут?

— Онгар, — сказал старик, помедлив. — Староста. Бывший. Старостить уже особо нечем.

— Онгар, — Вера записала имя в блокнот. — Веди туда, где у вас было хуже всего и раньше всего. С самого начала беды. Оттуда и начнём.

***

Хуже всего было у реки.

Онгар вёл их по деревне, и Вера шла рядом, задавая вопросы и записывая ответы. Пискля, нахохлившись, сидел у неё на плече и впервые ничего не комментировал — даже еду. Гарт держался чуть позади, цепким взглядом обшаривая дворы: искал угрозу, по привычке, хотя никакой угрозы, кроме медленного умирания, здесь не было. Фелиндор отстал — остановился у мёртвой яблони и что-то бормотал, водя над ней ладонью, с лица его сползла вся рассеянная торжественность.

— Когда началось? — спрашивала Вера.

— По весне. Сперва молоко. Стоит в погребе, в холоде, а к утру — кислятина. Думали, посуда плохая. Перемыли всю. Не помогло.

— Потом?

— Потом хлеб. Испечёшь — к вечеру плесень. Потом огороды. Потом яблони. Потом... — Онгар помолчал. — Потом Малика, внучка кузнеца. Пяти лет. Простыла, обычная простуда, в другой год отлежалась бы за три дня. А тут — за три дня сгорела. И следом ещё двое стариков. Будто... будто жизнь из людей уходит так же, как из молока. Быстрее, чем положено.

Вера перестала писать.

Она знала эту логику — Фелиндор только что объяснил её на муле, с яблоком в руке, тоном лектора. Насос выкачивает жизненную силу. Там, где её высосали, всё увядает быстрее положенного. «Всё живое» — она записала эти слова час назад и подчеркнула. Тогда это была строчка в блокноте. Теперь это была мёртвая пятилетняя девочка по имени Малика.

Вера очень не любила, когда строчки в блокноте оказывались живыми. Или, как сейчас, переставали быть живыми.

— Покажи реку, — сказала она тише.

Река была последней каплей — в прямом смысле. Когда-то, по словам Онгара, широкая и рыбная, теперь она обмелела до ручья, и вода в ней была неправильной: слишком прозрачной, слишком неподвижной, с едва заметным сизым

отливом, как бензиновая плёнка на луже. Рыба всплыла вся разом месяц назад. С тех пор к реке не ходили.

Фелиндор, нагнавший их, присел у воды, окунул палец, понюхал, лизнул — Вера едва успела его одёрнуть — и побледнел.

— Сюда, — сказал он тихо. — Поток маны идёт по руслу реки. Насос тянет через воду. Это... это умно. Вода течёт сама, её не надо гнать магией. Торвальдис просто... подключился к реке, как к трубе.

— Значит, если мы пойдём вверх по течению, — сказала Вера, — то упрёмся в насос.

— Теоретически.

— Гарт?

— Вверх по реке, — согласился Гарт. — День пути, может, два. Я видел на карте хребет к северу. Если он качает воду, насос там. У истока.

Вера закрыла блокнот и посмотрела на умирающую деревню, на мёртвую яблоню, на старика, который перестал старостить, потому что старостить было нечем.

— Онгар, — сказала она. — Я не буду тебе клясться. Но я тебе кое-что оставлю.

Она достала чистый лист, положила на колено и начала писать — быстро, деловито. Онгар смотрел, как ложатся строчки, не понимая.

— Это акт, — объяснила Вера, не поднимая головы. — «Настоящим подтверждается, что Призванный Герой коро-

левства Таланд принял к исполнению жалобу деревни Нижний Выдел на порчу продукции и угрозу жизни, установил предварительную причину — незаконный отвод жизненной силы через реку — и обязуется устранить причину в течение...» — она подняла глаза на Гарта.

— Пять дней, — сказал Гарт. — С запасом.

— «...в течение пяти дней». Дата. Подпись. Печать. — Она прижала к бумаге печать «ОПЛАЧЕНО» — другой у неё с собой не было, но Онгару знать это было необязательно, — и протянула лист старику. — Держи. Это не клятва. Клятву можно нарушить и забыть. А это — документ. Если я не выполню, ты пойдёшь с ним к маркизу, а не выполнит маркиз — к королю. Бумага не умирает. Бумага помнит.

Онгар взял акт двумя руками. Долго смотрел на красную печать, на ровные строчки, которых не понимал, но которые почему-то успокаивали одним своим видом — так же, как успокаивали саму Веру.

— Тридцать лет, — сказал он наконец. — Тридцать лет сюда никто не привозил бумаги. Только забирали.

— Теперь привезли, — сказала Вера. — Идём, команда. У нас пять дней и один насос. Пискля, запиши: двойная порция пирожков откладывается.

— Я так и знал, — вздохнул Пискля. Но на этот раз — тихо, и без всякого артистизма. Он тоже смотрел на мёртвую яблоню.

Утро в коттедже начиналось не с будильника — будиль-

ник остался в той жизни, вместе с ипотекой, пробками и начальником, который присылал письма в полночь с пометкой «срочно». Здесь утро начиналось с Пискли, который садился на край подушки и сообщал мировые новости.

— Мой человек, — объявил он, светясь бледно-голубым, что означало состояние «я голоден, но готов это обсудить». — У нас кончились яйца. И хлеб. И то вкусное, жёлтое.

— Масло, — перевела Вера, не открывая глаз.

— Да. Масло. Его особенно нет.

— Пискля, масло не может «особенно» кончиться. Оно либо есть, либо нет.

— А вот и может, — возразил дух с достоинством. — Вчера его было мало. Сегодня его нет совсем. Значит, вчера оно кончалось особенно сильно.

Вера открыла один глаз. За окном стоял тот самый свет — ровный, молочный, какой бывает поздней осенью в провинции Альтен, когда туман ещё не решил, оставаться ему или уходить. Три месяца назад она бы в такое утро схватила телефон и проверила почту. Сейчас телефон лежал в ящике стола, разряженный навсегда, как памятник прошлой жизни. Вместо почты — Пискля. В целом, подумала Вера, обмен неравноценный, но с яйцами.

Рынок в Альтен-городке был не рынок, а недоразумение, которое Вера за три месяца почти полюбила. Три с половиной прилавка, коза, привязанная к столбу «для атмосферы» (так объяснила торговка), и дед, продающий репу с ви-

дом человека, который знает про репу всё и презирает тех, кто не знает. Вера шла между прилавками с корзиной, и торговки кивали ей — не как Герою, спасшему королевство, а как соседке, которая всегда платит ровно и не торгуется из принципа, а только по делу.

— Госпожа Вера! — окликнула её молочница, круглолицая Брента. — Вам отложить сыра? Хороший в этот раз, вызрел.

— Отложи. И масла, Пискля утверждает, что оно кончилось особенно сильно.

Брента засмеялась. Про Писклю на рынке знали все — мелкий светящийся дух, который комментировал качество каждого пирожка в радиусе трёх прилавков, стал местной достопримечательностью.

Вера набирала корзину и ловила себя на странном: ей было спокойно. Не радостно, не восторженно — а именно спокойно, как бывает, когда все накладные закрыты, все поставки доехали, и можно наконец выдохнуть. За три месяца она починила три из четырёх насосов Торвальдиса, высасывавших магию из мира. Последний, четвёртый, они закрыли в прошлом месяце — тот самый, в провинции Альтен. И с тех пор — тишина. Благословенная, подозрительная тишина.

Тишину нарушил гонец. Вера как раз расплачивалась с Брентой, когда на площадь влетел всадник — взмыленная лошадь, грязь по колено, на груди — герб с башней и ключом. Герб соседнего королевства. Вельмарк.

— Призванный Герой Таланда! — крикнул гонец, спрыгивая с седла и едва не падая на подкашивающихся ногах. — Мне нужен Призванный Герой!

Рынок затих. Коза перестала жевать. Дед с репой впервые за три месяца посмотрел на что-то кроме репы.

— Это я, — сказала Вера, не выпуская из рук головку сыра. — Что случилось?

Гонец оглядел её — женщину в рабочей куртке, с корзиной, из которой торчал пучок зелени, — и на лице его проступило знакомое выражение. То самое, с которым все новенькие смотрели на Веру первые тридцать секунд. «Это не может быть Герой». А потом, когда она открывала рот, — «а, нет, это точно Герой».

— Госпожа, — выдохнул он, — королевство Вельмарк просит помощи. У нас… у нас пропадают дороги.

Пискля, сидевший в корзине между сыром и луком, поднял голову.

— Как это — пропадают дороги? — спросил он. — Дороги не еда. Их нельзя съесть. Их нельзя потерять.

— Можно, — мрачно сказал гонец. — Ещё как можно.

Дорога домой, в коттедж, заняла у Веры четверть часа, за которые она успела принять три решения и отменить два. Гонца она отправила отдыхать на постоялый двор, строго велев ничего никому не рассказывать до завтра. Пискля всю дорогу ныл про масло, но уже без энтузиазма — он чуял, что масло отменяется, а начинается работа.

— Мой человек, — сказал он наконец, когда показалась знакомая крыша. — Это ведь опять оно, да? Опять конец света. Опять мы едем куда-то, где нас попытаются съесть.

— Пока неизвестно, — сказала Вера. — Может, просто плохие дороги. Может, у них там логистика хромает, и они по привычке зовут Героя.

— Ты сама в это не веришь.

— Не верю, — согласилась она. — Но верить и знать — разные графы в накладной. Пока не проверю — не впишу.

Она толкнула калитку. Коттедж встретил её тишиной и запахом вчерашнего хлеба. Три месяца покоя. Ровно столько, сколько мир позволил ей притворяться, что она на пенсии.

Вера поставила корзину на стол, достала блокнот — тот самый, с печатью «ОПЛАЧЕНО» на обложке, — и открыла чистую страницу. Сверху вывела ровным почерком логиста: «Вельмарк. Пропажа дорог. Инвентаризация».

— Собирай команду, Пискля, — сказала она, не отрываясь от блокнота. — Как в старые добрые. Гарт, Фелиндор, Асвейг. Выезжаем, как только пойму, с чем имеем дело.

Пискля вздохнул так, что лампа на столе мигнула.

— А масло?

— Масло возьмём в дорогу, — пообещала Вера. — Двойную порцию. Ты у нас теперь храбрый.

Дух немного просиял — и полетел собирать команду. А Вера осталась одна над раскрытым блокнотом, в котором уже выстраивался первый столбец вопросов. Дороги не пропада-

ют просто

Глава 2. Инвентаризация дорог

Королевство Вельмарк встретило их проливным дождём и отсутствием приличных постоялых дворов. Вера стояла под навесом единственной таверны на краю города и смотрела на лужи, в которых тонула грязь, репутация королевства и её терпение.

— Напомни мне, — сказала она Фелиндору, стряхивая воду с плаща, — зачем я согласилась на эту поездку?

— Потому что не можешь отказать людям в беде, — невозмутимо ответил эльф. — И потому что скучала.

— Я не скучала.

— Скучала, — подтвердил Пискля, вылезая из её кармана и отряхиваясь так, что по всем сторонам полетели искры влаги. — Ты три дня считала мешки с мукой у мельника. От скуки.

— Это называется «помощь соседям», — возразила Вера, но без особой убеждённости.

Команда собралась за два дня. Фелиндор примчался первым — эльф-картограф, который знал о дорогах всё и считал личным оскорблением, если какая-то из них исчезала без его согласия. Гарт, воин-танк с душой бухгалтера, прибыл следующим утром, успев по дороге разрулить пограничный спор о налогах. Асвейг, воительница-берсерк с талантом к

дипломатии, приехала последней, потому что заезжала домой — взять походную аптечку и «что-нибудь на случай переговоров».

Сейчас вся команда стояла под навесом и смотрела на Вельмарк с тем особым выражением, какое бывает у логистов при виде склада после инвентаризации, проведённой стажёром.

— Ну что, — сказала Вера, доставая свой блокнот. — Начнём с базовых вопросов. Где последний раз видели дорогу, когда это было, и кто отвечает за учёт.

Гонец, который сопровождал их из Таланда, нервно откашлялся.

— Госпожа Герой, я могу проводить вас к королевскому советнику. Он объяснит лучше меня.

— Проводи, — кивнула Вера. — Но сначала покажи хотя бы одну дорогу. Ту, что пропала.

Гонец замялся.

— Госпожа… в том-то и дело. Когда дорога пропадает — её больше нет. Совсем. Будто её и не было.

Фелиндор поднял бровь — тот самый жест, которым эльфы-картографы выражают максимальный скептицизм.

— Дороги не исчезают бесследно. Остаются колеи, затоптанная земля, следы. Даже если поверхность размыло, грунт остаётся плотнее.

— Не в этот раз, — мрачно сказал гонец. — Пойдёмте, я покажу.

***

Место, где раньше была дорога на северные фермы, выглядело так, будто его вырезали из реальности и заменили заготовкой «луг по умолчанию». Ровная трава, никаких следов колёс, никаких вытоптанных обочин. Вера присела на корточки и провела рукой по земле. Мягкая, рыхлая — будто здесь никто никогда не ходил.

— Это неправильно, — сказала она. — Дороги не исчезают. Их можно разрушить, размыть, забросить — но не вырезать из пространства.

— Магия? — предположила Асвейг, оглядываясь.

— Магия работает по правилам, — возразил Фелиндор, разворачивая свою карту. — Даже самая сильная не может стереть дорогу так, чтобы не осталось следов. Это как… как вычеркнуть строчку из бухгалтерской книги так, чтобы не было видно, что там что-то было.

— Можно, — задумчиво сказала Вера. — Если переписать всю страницу. Или всю книгу.

Гарт, стоявший чуть в стороне, нагнулся и поднял с земли что-то маленькое. Камешек. Обычный серый камешек, какие валяются на любой дороге.

— А это откуда? — спросил он.

Все замолчали. Гарт прав: на лугу, где никогда не было дороги, не должно быть дорожных камней.

— Инвентаризация, — сказала Вера, доставая блокнот. — Фелиндор, нанеси на карту все пропавшие дороги. Гарт,

собери список: когда именно исчезла каждая, кто последний раз по ней проходил. Асвейг, узнай у местных, не было ли перед этим чего-то странного — погоды, людей, событий. Пискля, ты со мной — идём к советнику.

— А что мы будем делать? — поинтересовался дух.

— Задавать неудобные вопросы, — улыбнулась Вера. — Ты в этом хорош.

***

Королевский советник Вельмарка звался Торген, и с первого взгляда было ясно, что человек находится в состоянии предельного стресса, замаскированного под профессиональную невозмутимость. Вера таких насмотрелась за годы работы в логистике: это тот тип начальства, который всё ещё пытается контролировать ситуацию, когда ситуация давно вышла из-под контроля и уехала в другую провинцию.

— Госпожа Герой, — поклонился он, когда Веру провели в королевский зал. — Благодарим вас за отклик. Ситуация у нас… сложная.

— Ситуация у вас невозможная, — поправила Вера, усаживаясь на предложенный стул без лишних церемоний. — Дороги не исчезают просто так. Расскажите по порядку: когда началось, с какой дороги, что предшествовало.

Торген колебался, но ненадолго. Он явно понимал, что перед ним не дипломат и не просительница — перед ним специалист, которому нужны данные.

— Началось три недели назад, — сказал он, разворачи-

вая карту на столе. — Первой пропала дорога на восточные рудники. Утром караван собирался в путь — и обнаружил, что дороги нет. Мы думали, оползень, магическая буря, что угодно. Отправили разведчиков — те вернулись и сказали, что дорога просто отсутствует. На всём протяжении, двадцать миль.

— Двадцать миль, — повторила Вера, записывая. — За одну ночь?

— За одну ночь. Потом, через три дня, исчезла дорога на северные фермы. Та, что вы видели. Потом — дорога на западную границу. Потом — южный тракт.

Вера подняла голову от блокнота.

— Вы понимаете, что это значит?

— Что мы отрезаны от всех ключевых ресурсов, — устало сказал Торген. — Руды нет, зерна нет, торговых путей нет. Ещё месяц — и в столице начнётся голод.

— Это значит, — сказала Вера, — что кто-то методично вырезает именно важные дороги. Это не случайность. Это план.

Воцарилась тишина. Торген побледнел.

— Но кто… зачем?

— Вот это мы и выясним, — сказала Вера, захлопывая блокнот. — А пока дайте мне полный список всех дорог, которые исчезли. С датами, временем суток, если известно, и любыми свидетельствами. И ещё одно: у вас тут случаем не было визитов от торговцев, предлагающих «решить пробле-

му с дорогами»?

Торген нахмурился.

— Был один… странный человек. Пришёл две недели назад. Предложил построить новые дороги за символическую плату.

— Символическую? — переспросила Вера.

— Сказал, что достаточно будет права собирать пошлину со всех, кто по этим дорогам пойдёт. Пожизненно. Мы отказались, конечно. Цена абсурдная.

Вера и Пискля переглянулись. Дух тихо засветился красным — цвет, означающий «тут что-то очень не так».

— Как его звали? — спросила Вера.

— Не представился. Сказал только, что вернётся, когда мы будем готовы принять его условия.

— Ясно, — выдохнула Вера. — Торген, у вас классический рейдерский захват. Кто-то убирает дороги, чтобы потом предложить свои. С контролем и пошлиной. Это даже не магия — это бизнес-модель.

Советник открыл рот, потом закрыл. Потом открыл снова.

— Но… но как можно убирать дороги?!

— Вот это, — сказала Вера, вставая, — я и собираюсь выяснить. Готовьте список. И если этот человек вернётся — задержите его. Мне с ним надо поговорить.

***

Вечером команда собралась в таверне, за большим столом, заваленным картами, записями и остатками ужина. Фе-

линдор раскладывал маршруты пропавших дорог, Гарт сверял даты, Асвейг рисовала схему на салфетке.

— Паттерн есть, — сказал Фелиндор. — Все дороги, которые исчезли, — транспортные артерии. Те, по которым идут ресурсы в столицу. Мелкие проселки, деревенские тропы — все на месте.

— Значит, цель — изоляция столицы, — кивнула Вера. — Чтобы королевство согласилось на любые условия.

— Вопрос в том, как это делается, — сказал Гарт. — Магия такого масштаба должна оставлять следы. Но их нет.

— Есть, — возразила Асвейг, ткнув пальцем в салфетку. — Камни. Гарт нашёл камень на месте, где дороги нет. Это след.

— Слабый след, — буркнул Гарт.

— Но след, — настояла Асвейг.

Вера задумчиво грызла краюху хлеба. Что-то тут не сходилось. Рейдерский захват — да, модель ясная. Но способ… способ был невозможным. Нельзя стереть дорогу так, чтобы она исчезла без остатка. Если только…

— А что, если дорога не исчезла? — медленно сказала она.

Все посмотрели на неё.

— Что, если она просто сдвинулась? В другое место. Или в другой… слой реальности?

Фелиндор нахмурился.

— Ты предполагаешь параллельное пространство?

— Я предполагаю, что кто-то научился перемещать дороги целиком. Прятать их. А потом, возможно, возвращать — за плату.

— Это… — начал Гарт.

— Невозможно, — закончил Фелиндор.

— Насосы Торвальдиса тоже были невозможны, — напомнила Вера. — Пока мы их не нашли.

Пискля, дремавший в кружке с элем, поднял голову.

— Мой человек прав. Если что-то случилось — значит, оно возможно. Вопрос только — как.

— Именно, — кивнула Вера. — Как. И кто. И где он прячет дороги. Потому что если их можно спрятать — их можно найти. Всё, что имеет физическую форму, можно учесть. А всё, что учтено — можно вернуть.

Она открыла блокнот на новой странице и вывела сверху: «Инвентаризация. Дороги Вельмарка. Статус: пропажа или перемещение?»

— Завтра, — сказала она, — мы идём искать дорогу. Если она где-то есть — мы её найдём. А если найдём — найдём и того, кто её туда засунул.

Команда молча подняла кружки. Не победный тост — рабочий. Тост логистов, которые знают: впереди инвентаризация, а инвентаризация — это всегда открытие того, чего там быть не должно. И в случае Вельмарка — открытие дорог в самых неожиданных местах.

Координатор по имени Бертран оказался человеком сред-

них лет с лицом, которое видело столько бумажной работы, что перестало удивляться чему-либо. Он встретил их в небольшой комнате, где стены были увешаны картами, а на столе лежали стопки донесений.

— Герой Таланда, — поклонился он сдержанно. — Мы благодарны, что вы откликнулись.

— Показывайте карты, — сказала Вера, не тратя время на вежливость. — И донесения. В хронологическом порядке.

Бертран кивнул с выражением человека, который наконец встретил кого-то, говорящего на его языке.

— Первый случай — двадцать три дня назад. Торговый тракт между Вельмарком и деревней Кросслинг. Караван вышел утром, к вечеру не прибыл. Поисковая группа обнаружила повозки в пяти милях от города — стояли посреди пустоши. Возчики утверждали, что ехали строго по дороге.

— Дорога исчезла под ними? — уточнил Фелиндор, наклонившись над картой.

— Нет. Они утверждают, что дорога была. Просто привела не туда.

Вера подняла глаз от карты.

— Дорога изменила направление?

— Возможно. Или они сбились. Но это опытные возчики, они ездят по этому маршруту годами.

Гарт хмыкнул.

— Один случай — ошибка. Два — совпадение. Сколько у вас случаев, господин координатор?

Бертран открыл папку. Вера пробежала глазами по списку и почувствовала знакомое покалывание в затылке — то самое, которое означало, что узкое место близко.

— Семнадцать, — сказала она вслух. — За двадцать три дня. И все — на торговых путях.

— Верно.

— Есть пострадавшие?

— Нет. Все караваны были найдены целыми. Просто... не там. Один оказался в двух днях пути от своей цели. Другой — вернулся в точку отправления, хотя люди клянутся, что ехали прямо.

Пискля, который до этого момента сидел на плече Веры и вёл себя тихо, вдруг засветился тревожным жёлтым.

— Мой человек, — прошептал он. — Это пахнет неправильно.

— Согласна, — прошептала Вера в ответ. — Очень неправильно.

Они вышли из ратуши, когда солнце клонилось к закату, окрашивая каменные стены Вельмарка в медовый цвет. Вера несла под мышкой стопку копий донесений и три карты — общую, торговых путей и магистральных дорог.

— Итого, — сказала она, когда они остановились у фонтана на площади. — Семнадцать случаев за двадцать три дня. Все на торговых путях. Все без жертв. Дороги не исчезают физически — они продолжают куда-то вести. Только не туда, куда должны.

Фелиндор сложил руки на груди.

— Магия?

— Очевидно. Но какого рода? Иллюзия? Искривление пространства? Или кто-то реально меняет направление дорог?

— Дороги не так-то просто изменить, — заметил Гарт. — Это не магия. Это инженерия. Ты не можешь просто щелчком пальцев развернуть тракт на восток, если он шёл на север.

— Если только ты не развернул сам мир, — тихо сказала Асвейг, которая до этого молчала. — Или восприятие путников.

Вера остановилась.

— Повтори.

Асвейг посмотрела на карту в руках Веры.

— Может, дело не в дорогах. Может, дело в людях, которые по ним идут. Если исказить их восприятие, то им будет казаться, что они идут прямо. А на деле — кружат.

— Массовая иллюзия? — нахмурился Фелиндор. — Это требует огромных затрат энергии. И почему только торговые караваны?

— Потому что цель — торговля, — сказала Вера медленно, разворачивая карту на краю фонтана. — Кто-то хочет разрушить торговые пути Вельмарка. Вопрос — зачем и кто.

Пискля взлетел и завис над картой, светясь задумчивым синим.

— Если разрушить торговлю, королевство беднеет. Если королевство беднеет, начинаются волнения. Если начинаются волнения...

— Хаос, — закончила Вера. — И кому-то это выгодно.

Гарт хмыкнул.

— Политика. Терпеть не могу политику. С чудовищами проще — они хотя бы честно пытаются тебя съесть.

— Нам нужен свидетель, — решила Вера, сворачивая карту. — Кто-то из возчиков, кто попал в эту ловушку и вышел. Бертран обещал организовать встречу завтра утром. А пока — ужин и сон. Завтра начинается полевая работа.

Постоялый двор «Золотая подкова» встретил их запахом жареного мяса, пива и странной смесью озабоченности и любопытства. Новость о прибытии Героя уже облетела город, и хозяин — грузный человек с впечатляющими усами — лично проводил их к столу у окна.

— Герой Таланда, большая честь, — забубнил он, вытирая руки о фартук. — Что желаете? У нас сегодня олень в клюквенном соусе, пироги с капустой, а эль — лучший в провинции.

— Оленя, пирогов и эля, — согласилась Вера. — На всех. И тишины, если можно.

Хозяин кивнул с пониманием и отступил. Вера разложила на столе карты и донесения. Фелиндор подпёр голову рукой.

— Ты действительно хочешь работать за ужином?

— Я всегда работаю за ужином, — ответила Вера, не под-

нимая головы. — Это экономит время.

— И портит пищеварение, — вздохнул эльф, но придвинулся ближе.

Они разбирали маршруты, пока не принесли еду. Олень оказался действительно хорош, эль — крепок, а пироги — горячими. Пискля устроился на краю тарелки Веры и методично воровал кусочки мяса, светясь довольным розовым.

— Смотри, — Вера ткнула пальцем в карту. — Все случаи — в радиусе пятидесяти миль от Вельмарка. Дальше — ни одного.

— Значит, источник здесь, — сказал Гарт, жуя пирог. — В самом городе или рядом.

— Или это граница действия магии, — добавила Асвейг. — Радиус. Пятьдесят миль — это много для иллюзии, но если использовать артефакт...

Вера отложила вилку.

— Артефакт. Да. Что-то достаточно мощное, чтобы искажать восприятие на такой территории. Вопрос — где он и кто его активировал.

— И как его остановить, — добавил Фелиндор. — Потому что если это действительно организованная атака, они не остановятся сами.

Вера посмотрела в окно, где за стеклом сгущались сумерки. Где-то там, в радиусе пятидесяти миль, кто-то или что-то переписывало правила. Меняло направления. Крало у людей дороги.

— Завтра начнём с возчика, — сказала она. — Узнаем, что именно он видел и чувствовал. А потом — выйдем на маршрут сами. Если это артефакт, у него есть источник. И у источника — узкое место.

— Всегда есть узкое место, — усмехнулся Гарт.

— Всегда, — подтвердила Вера. — Вопрос лишь в том, сколько времени понадобится, чтобы его найти.

Они доели ужин в молчании. А когда разошлись по комнатам, Вера ещё долго сидела над картой, отмечая точки исчезновений. Семнадцать. Скоро будет восемнадцать. Потом девятнадцать. Если она не найдёт ответ быстро, королевство начнёт задыхаться — медленно, но верно.

Как логист, она знала: дороги — это артерии. Перекрой артерии — и организм умрёт. Но она не собиралась этого допустить. Потому что у каждой системы есть уязвимость. И она найдёт её — по накладной, как всегда.

Ночь принесла сон, полный дорог. Вера шла по бесконечному тракту, который петлял, сворачивал, возвращался сам в себя. Дорожные столбы показывали одно и то же направление, но каждый раз разными цифрами. Она пыталась записать их в блокнот, но цифры расплывались и превращались в странные символы.

Проснулась она от стука в дверь и голоса Гарта:

— Подъём, Герой. Твой возчик ждёт.

Вера села в постели, потёрла лицо. В окно лился серый рассветный свет — тот самый, нерешительный, какой бывает

перед дождём. Она оделась быстро, умылась холодной водой из кувшина и спустилась вниз.

В общем зале, за столом у камина, сидел мужчина лет сорока пяти — жилистый, с обветренным лицом и руками, которые держали кружку так, будто боялись её уронить. Бертран стоял рядом, и когда Вера вошла, они оба встали.

— Герой, это Ральф Медоус, — представил координатор. — Возчик, который вёз груз в Кросслинг двенадцать дней назад.

Вера кивнула и села напротив Ральфа.

— Расскажите всё, как было, — попросила она. — Без прикрас. Даже мелочи важны.

Ральф отпил из кружки, сглотнул.

— Мы выехали на рассвете, — начал он. — Я, мой сын и ещё двое. Груз — ткани, керамика, мешки с зерном. Обычный маршрут. Я езжу по нему пятнадцать лет, госпожа. Знаю каждый поворот.

— Дальше.

— Первые два часа всё шло как положено. Потом... Я не сразу заметил. Вроде всё правильно. Дорога, столбы, повороты. Но что-то было... не так. Будто воздух стал гуще. Звуки приглушённые. И лошади занервничали.

— В какой момент? — Вера достала блокнот.

— Около полудня. Мы должны были проехать мимо старой мельницы — ориентир такой, всегда мимо неё идём. Но мельницы не было. Я подумал, может, снесли. Но потом не

было и моста через ручей. А потом дорога вывела нас на пустошь. И мы поняли — мы не там.

— Что вы чувствовали? — тихо спросила Асвейг, подсевшая к столу. — Головокружение? Тошноту?

— Нет, — Ральф покачал головой. — Просто... растерянность. Словно проснулся не в своей постели и не можешь понять, как сюда попал.

Вера записывала, не отрываясь от страницы.

— Вы пытались вернуться?

— Да. Развернулись. Но дорога назад тоже была... другой. Не та. Мы плутали до вечера. А потом появились королевские патрульные, нашли нас. Они сказали, мы в двадцати милях от Вельмарка, на северо-западе. А мы должны были быть на юге.

— Кто-нибудь ещё что-то заметил? Видел? Слышал?

Ральф задумался.

— Сын сказал, что видел дым. Вдалеке. Тонкий, прямой столб. Но когда мы посмотрели вместе, там ничего не было.

Вера подняла глаза от блокнота.

— Дым. Где именно?

— К западу. Он сказал — как от костра. Но не мерцающий. Ровный.

Вера переглянулась с Фелиндором. Эльф кивнул — он тоже уловил.

— Это может быть маяк, — сказал он. — Источник магии обычно оставляет след. Видимый, если знать, куда смотреть.

Вера закрыла блокнот.

— Господин Медоус, вы сможете показать нам место, где вы заметили, что заблудились?

Ральф кивнул.

— Смогу. Но... госпожа, вы уверены? Вдруг это повторится? Вдруг мы снова потеряемся?

— Не потеряемся, — твёрдо сказала Вера. — Потому что теперь мы знаем, что искать.

Она встала, и остальные последовали её примеру. План созрел. Выезд — через час. Маршрут — на место первого инцидента. Цель — найти источник искажения. А дальше — по накладной.

Глава 3. След в пустоши

Дорога на юг от Вельмарка начиналась с булыжной мостовой, переходила в утрамбованную землю и через пять миль растворялась в том, что местные называли «старый тракт» — извилистая полоса среди полей и перелесков, по которой столетиями ходили караваны.

Вера ехала в повозке рядом с Ральфом, который правил лошадьми с напряжённым видом человека, возвращающегося на место преступления. Гарт и Асвейг ехали следом на своих конях. Фелиндор замыкал процессию, и Вера знала, что эльф не просто едет — он сканирует местность, ищет магические следы.

Пискля сидел у неё на плече и нервно мерцал.

— Мой человек, — шептал он, — я не люблю дороги, которые ведут не туда. Это неправильные дороги. Нечестные дороги.

— Я тоже их не люблю, — ответила Вера тихо. — Но если мы их не исправим, они испортят ещё больше жизней.

Ральф показал рукой вперёд.

— Вот здесь. Это место. Мы ехали ровно по тракту, а дальше... там должна быть мельница. Справа, у ручья.

Вера вгляделась. Справа действительно виднелся ручей, и остатки каменного фундамента — всё, что осталось от мель-

ницы.

— Мельница была, — сказала она. — Вы просто её не видели?

— Клянусь, не было её тогда, — упрямо повторил Ральф. — Я смотрел. Все смотрели. Ничего.

Фелиндор спешился и подошёл ближе. Закрыл глаза, вытянул руки. Вера знала этот жест — эльф читал магический фон.

— Здесь что-то было, — сказал он через минуту. — Остаточный след. Искажение восприятия. Сильное, но уже почти рассеялось.

— Давность? — спросила Вера.

— Дней десять-двенадцать. Как раз когда Ральф проезжал.

Вера спрыгнула с повозки и прошлась по дороге. Под ногами хрустела сухая трава. Ничего необычного. Но Ральф не врал — она это чувствовала.

— Где твой сын видел дым? — спросила она.

Ральф указал на запад.

— Там. За холмами.

Вера достала подзорную трубу — подарок Фелиндора, с магической линзой — и посмотрела в указанном направлении. Холмы, перелески, дальше — пустошь. Ничего примечательного. Но...

— Там есть строение, — сказала она. — Башня. Или что-то похожее.

Фелиндор подошёл, взял трубу, посмотрел.

— Старая сигнальная вышка, — определил он. — Из времён приграничных войн. Должна быть заброшенной.

— Должна, — согласилась Вера. — Но если там разжигали костёр, значит, кто-то её использует. Едем туда.

Ральф побледнел.

— Но... госпожа, это же пустошь. Там никто не живёт.

— Именно поэтому там идеальное место для того, кто хочет остаться незамеченным, — ответила Вера, забираясь обратно в повозку. — Гарт, ты пойдёшь первым. Асвейг — прикрываешь. Фелиндор — держи щит готовым. Если там засада, хочу знать заранее.

— А если это просто бродяги? — спросил Гарт, но уже разминал плечи — привычный жест перед боем.

— Тогда извинимся и уедем, — ответила Вера. — Но я

в это не верю.

Они свернули с тракта и поехали через поле, к холмам. Дорога кончилась, начались ухабы. Ральф правил молча, крепко сжимая вожжи.

Башня росла на горизонте — серая, каменная, действительно старая. Но на вершине что-то белело. Вера снова взяла трубу.

— Ткань, — сказала она. — Натянутая между зубцами. Зачем?..

И тут она поняла.

— Это не просто ткань. Это полотнище. С символами.

Фелиндор резко натянул поводья.

— Руническое полотнище. Магический якорь.

Вера почувствовала, как всё встало на свои места — как последний товар в накладной.

— Вот оно. Источник. Кто-то установил магический якорь на этой башне, и он искажает пространство вокруг. До-

роги не меняются физически — меняется восприятие путников. Они думают, что идут прямо, но якорь сворачивает их.

— Как убрать его? — спросил Гарт, глядя на башню.

— Срезать полотнище, — ответил Фелиндор. — Или разрушить руны. Но если там кто-то есть...

— То нас встретят, — закончила Вера. — Готовьтесь. Идём туда.

Она спрыгнула с повозки и пошла первой. Потому что если она научилась чему-то за месяцы приключений в этом мире, так это тому, что узкие места не исправляются сами. Их надо находить и устранять. И это всегда больно, страшно и правильно.

Башня ждала впереди. И кто-то в ней тоже ждал.

Дорога на юг шла через холмистую местность, где леса чередовались с полями. Вера ехала в повозке рядом с Ральфом, который правил лошадьми с лицом человека, возвращающегося на место преступления. Остальные следовали верхом — Фелиндор впереди, Гарт и Асвейг по бокам. Пискля устро-

ился на плече Веры и всю дорогу комментировал пейзаж.

— Это дерево кривое, — объявил он, когда они проезжали мимо старого дуба. — Очень кривое. Подозрительно кривое.

— Пискля, не все кривые деревья подозрительны, — устало сказала Вера.

— А вдруг это дерево специально притворяется кривым, чтобы мы расслабились?

Ральф хмыкнул — первый раз за утро. Вера решила это считать прогрессом.

Они ехали три часа, пока Ральф не натянул вожжи.

— Здесь, — сказал он. — Вот здесь я заметил, что мельницы нет.

Вера спрыгнула с повозки и огляделась. Место было самое обычное — дорога петляла между двух холмов, справа начинался лес, слева тянулись поля. Никаких признаков магии. Никаких аномалий.

— Фелиндор, — позвала она. — Что видишь?

Эльф спешился, прикрыл глаза и замер. Асвейг присоединилась к нему — её руки светились слабым серебряным светом. Вера ждала, считая секунды. Наконец Фелиндор открыл глаза.

— Есть остаточный след, — сказал он медленно. — Слабый. Как будто здесь пролили воду, и она почти высохла. Магия была, но недавно.

— Направление?

— К западу. Туда, — он указал на лес.

Вера развернулась к Ральфу.

— Ваш сын видел дым на западе?

— Да, госпожа.

— Значит, идём туда.

Они оставили повозку с Ральфом на дороге — Гарт остался охранять — и пошли пешком в лес. Фелиндор вёл, Асвейг шла следом, изредка останавливаясь и прислушиваясь. Вера шла последней, сканируя местность глазами логиста. Искала

несоответствия. Неправильности. Узкие места.

Лес был тихим. Слишком тихим. Птицы не пели. Ветер не шелестел листвой. И чем дальше они углублялись, тем сильнее Вера ощущала давление — будто воздух густел.

— Мой человек, — прошептал Пискля. — Мне это не нравится.

— Мне тоже, — прошептала Вера.

— Стой, — резко сказал Фелиндор.

Все замерли. Впереди, между деревьями, поднимался столб. Не дыма — света. Тонкий, ровный, бледно-зелёного цвета. Он бил вертикально вверх, теряясь в кронах.

— Вот оно, — выдохнула Асвейг. — Источник.

Они двинулись осторожно. Столб света исходил из небольшой поляны, в центре которой стояло... Вера прищурилась. Это был камень. Обычный серый камень, размером с бочку, но на его поверхности были вырезаны символы — те самые, что она видела во сне.

— Это не природная магия, — сказала Асвейг, обойдя ка-

мень по кругу. — Это артефакт. Рукотворный. И он активен.

Фелиндор присел на корточки, изучая символы.

— Рунический круг искажения, — сказал он. — Очень старая магия. Она меняет восприятие пространства в радиусе действия. Люди идут прямо, но их путь искривляется.

— Как отключить? — деловито спросила Вера.

— Нужно разрушить руны. Или вытянуть энергию. Или...

Он замолчал, рассматривая один из символов ближе.

— Или что?

— Или убрать источник питания, — Фелиндор провёл рукой над камнем. — Это не самостоятельный артефакт. Его кто-то подпитывает. Постоянно. Смотри.

Он ткнул пальцем в основание камня. Там, в земле, Вера увидела тонкую линию света — она уходила вглубь, как корень.

— Это канал, — объяснила Асвейг. — Кто-то перекачивает сюда энергию. Откуда-то ещё.

Вера села на корточки рядом с камнем и достала блокнот.

— Значит, у нас не один артефакт, а система. Этот камень — просто точка проекции. А настоящий источник где-то ещё.

— Скорее всего, в Вельмарке, — кивнул Фелиндор. — Если все искажения в радиусе пятидесяти миль, то источник должен быть в центре.

Вера писала быстро, выстраивая цепочку.

— Источник энергии в Вельмарке. Каналы, ведущие к точкам проекции. Точки создают искажения. Цель — парализовать торговлю. Вопрос — кто и зачем.

— И где именно в Вельмарке, — добавил Фелиндор.

Пискля взлетел и завис над камнем.

— А можем мы просто стукнуть по нему? — предложил он. — Может, сломается.

— Может, — согласилась Асвейг. — Но тогда тот, кто управляет системой, узнает, что мы его нашли. И либо сбе-

жит, либо усилит защиту.

— Значит, оставляем как есть, — решила Вера, закрывая блокнот. — Пока. Возвращаемся в город, ищем центральный источник. Когда найдём — вырубим всё разом.

Она встала, отряхнула колени и посмотрела на столб света. Где-то в Вельмарке сидел человек, который переписывал карту королевства. Менял маршруты. Крал у людей дороги. И думал, что Вера не доберётся до него.

Ошибался. Потому что у каждой системы есть узкое место. И она его уже почти видела.

Обратный путь к дороге занял меньше времени — теперь они знали маршрут. Но стоило им выйти из леса, как Вера почувствовала: что-то изменилось. Гарт стоял у повозки с обнажённым мечом, а Ральф сидел бледный, вцепившись в вожжи.

— Гости, — коротко бросил Гарт, кивнув на дорогу.

В сотне шагов, там, где тракт уходил за холм, стояли трое всадников. Они не двигались — просто смотрели. На всех были серые плащи с капюшонами, скрывавшими лица.

— Давно стоят? — спросила Вера, подходя.

— С четверть часа, — ответил Гарт. — Не приближаются, не уходят. Наблюдают.

Вера прищурилась. Трое. Серые плащи. Появились ровно тогда, когда команда нашла артефакт. Совпадений в её работе не бывало.

— Пискля, — тихо сказала она. — Что скажешь?

Дух, обычно болтливый, на этот раз был серьёзен. Он завис над плечом Веры, светясь тревожным фиолетовым.

— Они пахнут той же магией, что и камень, — прошептал он. — Это их люди. Или они сами.

Фелиндор положил руку на лук.

— Догнать?

— Нет, — Вера покачала головой. — Они этого и ждут. Разделить нас, увести в лес, где искажение. Там мы потеряемся, а они уйдут.

Словно услышав её слова, всадники развернули коней и неспешно двинулись за холм. Через мгновение их уже не было видно.

— Они дали нам понять, что знают о нас, — сказала Асвейг. — Зачем?

— Предупреждение, — ответила Вера. — Или проверка. Хотели увидеть, как мы отреагируем. Погонимся ли.

Гарт убрал меч в ножны, недовольно хмурясь.

— Мне это не нравится. Враг, который показывается и уходит, — это враг, который уверен в себе.

— Или враг, который хочет, чтобы мы так думали, — возразила Вера. — Поехали. В город. У нас теперь есть не только артефакт, но и лица. Точнее, плащи.

Они погрузились в повозку и тронулись в обратный путь. Ральф правил молча, то и дело оглядываясь, будто ожидая, что серые всадники появятся снова. Вера сидела рядом, листая блокнот и выстраивая новую цепочку.

Серые плащи. Знают о расследовании. Связаны с артефактом. Появились мгновенно — значит, следили. Значит,

у них есть наблюдатели в городе. Значит, кто-то в Вельмарке передаёт им информацию.

— Фелиндор, — позвала она, не отрываясь от записей. — Эти серые плащи. Тебе они о чём-нибудь говорят?

Эльф, ехавший рядом, задумался.

— Серый — цвет нейтралитета. Или траура. Или... — он нахмурился. — Был один орден. Давно. Их называли Серыми Странниками. Они изучали дороги, пути, пространство. Картографы и маги одновременно. Но их распустили больше ста лет назад.

— За что?

— За то, что они начали продавать свои знания тем, кто больше платит. Короли использовали их, чтобы перекрывать вражеские маршруты. В итоге их объявили угрозой и разогнали.

Вера медленно закрыла блокнот.

— Разогнали. Но не уничтожили.

— Орден нельзя уничтожить полностью, — тихо сказала

Асвейг. — Знание передаётся. Тайно. Из поколения в поколение.

— Значит, Серые Странники вернулись, — заключила Вера. — И кто-то их нанял. Или они работают сами на себя.

Повозка катилась по тракту, и Вера смотрела на дорогу — ровную, честную, ведущую именно туда, куда должна. Пока ещё. Но где-то в радиусе пятидесяти миль сидели люди, которые умели красть дороги. И теперь они знали, что за ними идёт охота.

Это меняло правила. Но Вера любила менять правила. Это было её специализацией.

— В Вельмарке, — сказала она вслух, — первым делом идём к Бертрану. Нам нужен список всех, кто прибыл в город за последний месяц. И всех, кто имеет доступ к центральным зданиям. Если источник в городе, он где-то высоко — в месте с большим запасом энергии. Башня. Храм. Дворец.

— Или подземелье, — добавил Гарт. — Старые города любят прятать силу под землёй.

— И это тоже проверим, — кивнула Вера.

Город показался на горизонте к закату. Его стены, медовые в лучах заходящего солнца, теперь казались Вере не убежищем, а шахматной доской, на которой уже расставлены фигуры. Где-то среди этих домов и башен прятался её противник. И Вера собиралась его найти — методично, страница за страницей, как всегда.

— Знаешь, — сказал вдруг Фелиндор, поравнявшись с повозкой. — Большинство героев начали бы с того, что разнесли бы тот камень в лесу. А ты оставила его, чтобы не спугнуть врага. Иногда я забываю, насколько ты опасна.

Вера усмехнулась, не поднимая глаз от блокнота.

— Я не опасна, Фелиндор. Я просто внимательная. Это намного хуже.

Пискля, пригревшийся у неё на коленях, сонно булькнул:

— А ужин сегодня будет? С маслом?

— Будет, — пообещала Вера. — Двойная порция. Ты сегодня хорошо работал.

Дух довольно засветился розовым и задремал. А повозка въехала в ворота Вельмарка, где уже зажигались первые фо-

нари — и где начиналась настоящая охота.

Бертран ждал их в ратуше, хотя час был поздний. Когда команда вошла, он поднялся из-за стола, заваленного бумагами, и Вера увидела на его лице надежду вперемешку со страхом.

— Нашли что-нибудь? — спросил он.

— Нашли, — Вера положила блокнот на стол. — Это не случайность и не природная аномалия. Это организованная атака. Артефакты-проекторы, рассеянные по торговым путям, искажают пространство. Их питает центральный источник. И стоят за этим, предположительно, Серые Странники.

Бертран побледнел.

— Серые... Но их же распустили?

— Распустили орден. Не знания, — сказала Вера. — Мне нужен список всех прибывших в город за последний месяц. И доступ ко всем зданиям, где могут храниться большие объёмы магической энергии. Башни, храмы, хранилища.

Координатор кивнул, уже делая пометки.

— Список будет к утру. Что до зданий... У нас есть Старая Башня — там раньше был магический факультет, сейчас заброшена. Королевское хранилище под дворцом. И Храм Путей — древнее святилище, посвящённое, как ни странно, дорогам и странникам.

Вера и Фелиндор переглянулись одновременно.

— Храм Путей, — повторила Вера. — Посвящённый дорогам. И странникам.

— Серым Странникам? — тихо уточнила Асвейг.

— Храм древнее ордена, — сказал Бертран неуверенно. — Но... да, Странники когда-то его почитали. Говорят, именно там они проводили свои ритуалы, до того как их изгнали.

Вера медленно опустилась на стул. Кусочки складывались. Храм, посвящённый дорогам. Орден, крадущий дороги. Центральный источник где-то в городе. Это было слишком красиво, чтобы быть правдой, — а значит, либо это и есть разгадка, либо ловушка.

— Завтра, — сказала она, — мы идём в Храм Путей. Но

осторожно. Если это их база, они будут готовы.

— А если это ловушка? — спросил Гарт.

— Тогда мы войдём в неё с открытыми глазами, — ответила Вера. — Что всегда лучше, чем наоборот.

Она закрыла блокнот, на обложке которого тускло поблёскивала печать «ОПЛАЧЕНО». Первый день расследования подходил к концу, а у неё уже были артефакт, подозреваемые и цель. Для логиста это был хороший день.

Для Героя — только начало.

Той ночью Вера не спала. Она сидела у окна своей комнаты в «Золотой подкове», разложив перед собой все три карты и список артефактов, и чертила линии. Каждая точка искажения соединялась с предполагаемым центром — и все линии сходились в районе Храма Путей. Геометрия не лгала.

Пискля, который обычно засыпал первым, парил рядом, светясь приглушённым зелёным — цвет задумчивости.

— Мой человек, — сказал он тихо. — Ты ведь волнуешься.

— Немного, — призналась Вера. — Не из-за опасности. Из-за того, что всё сходится слишком гладко. Когда картина складывается сама собой, обычно это значит, что кто-то её для тебя сложил.

— Думаешь, нас заманивают?

— Думаю, нам показывают ровно то, что хотят показать. — Вера отложила перо. — Серые всадники появились не случайно. Храм Путей как база — слишком очевидно. Нас ведут. Вопрос — куда и зачем.

Пискля подлетел ближе, устроившись на краю стола.

— А если мы не пойдём туда, куда ведут?

Вера улыбнулась — впервые за вечер.

— Вот это правильный вопрос. Мы пойдём в Храм. Но не завтра, как они ждут. И не через главный вход. — Она постучала пальцем по карте. — Мы пойдём туда, куда они точно не ждут. Снизу.

— Из подземелья?

— Из королевского хранилища. Бертран сказал, оно под дворцом. А старые города любят строить переходы. Если Храм такой древний, как говорят, под ним наверняка есть тоннели. И если повезёт — они соединяются с хранилищем.

Пискля з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.